

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

© 1996 г., ЭО, № 3

В. Н. Б а с и л о в

СУННАТ-ТОЙ В ФЕРГАНСКОМ КИШЛАКЕ

Задача автора — на примере праздника обрезания (узб. *суннат-той*) показать современные формы существования народных традиций у узбеков. При этом цель исследовать исторические корни обрядности этого празднества не ставится. Рассказ о суннат-тоё может иметь и методический интерес, так как автор стремился подчеркнуть: подобное репортажу описание конкретного ритуала передает особенности праздничной атмосферы более отчетливо, чем обобщенное изложение (например, в таком духе: «У узбеков принято в первый день с утра...» и т. п.).

Обрезание в мусульманском мире издавна рассматривается как признак принадлежности человека к исламу. Этим, видимо, обусловлена важная роль праздника обрезания у народов Средней Азии и Казахстана. У узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, каракалпаков праздник обрезания — самое главное семейное торжество, более значительное, чем свадьба. Суннат-той в регионе издавна и повсеместно отличался обилием гостей, пышностью угощений и разнообразием увеселений. В арабских странах эта традиция существует в других формах. Уже было высказано мнение, что многие элементы среднеазиатского праздника обрезания восходят «к домусульманским верованиям и архаическим социальным институтам»¹.

Об узбекском празднике обрезания в этнографической литературе сведений немного². Лишь Г. П. Снесарев свыше 20 лет назад специально посвятил суннат-тоё обстоятельную статью, в которой описал сам праздник и обосновал вывод о том, что обрядность суннат-тоё сложилась еще в доисламский период. Следует подчеркнуть, что в его статье раскрываются обычаи узбеков Хорезма, далеко не во всем похожие на обычаи, сложившиеся в других районах республики. В Ферганской долине, например, суннат-той празднуют по-своему, не так, как в Хорезме, хотя основные черты этого праздника едины для всех групп узбеков и соседних народов. «Суннат-той не является семейным празднеством, — отмечает Г. П. Снесарев. — Он выходит далеко за рамки семьи... и в прошлом всегда являлся празднеством всей общины и всецело был подчинен нормам общинной жизни»³.

В каких формах живет суннат-той в наши дни? Попытаемся показать это на примере кишлака Миндон⁴. Рассказ об этом празднике познакомит читателя с особенностями местных обычаев и позволит понять, сколь прочно в современном узбекском селе сохраняются прежние традиции, характерные для образа жизни народа в прошлом столетии и много раньше. Эти традиции охватывают не только ритуальные действия и связанные с ними представления, но и общественный уклад.

Прежде чем приступить к описанию суннат-тоё (его в Миндоне называют также *огил-той*, от слова *огил* — сын, мальчик, или *хатна-той*, от слова *хатна* — обрезание), укажем на основные черты этого празднества.

1. Суннат-той превосходит другие семейные празднества своей многолюдностью. Г. П. Снесарев справедливо назвал суннат-той грандиозным торжеством. На этот праздник приглашаются не только родственники, соседи и жители всего квартала (*махалля*), но и гораздо более широкий круг людей — жители двух и

более кварталов, которые составляют так называемый *ошлаш* (часть селения, объединенная взаимным обязательством участвовать в празднике обрезания).

2. Суннат-той обычно продолжается не один день. Число дней колеблется от одного до четырех и более, что зависит от состоятельности семьи. Чаще всего праздник длится три дня. Кроме того есть еще один день — предварительный, в течение которого начинается подготовка к празднеству и происходит совет (*маслахат*) с участием старейшин квартала; на этом совете глава семьи, устраивающей торжество («хозяин праздника» — *тойди эгаси*), докладывает собравшимся соседям по кварталу, сколько продуктов заготовлено, сколько дней будет длиться праздник, на кого будут возложены главные функции в обслуживании гостей.

С точки зрения постороннего наблюдателя этот день можно было бы причислить к праздничным, но в народе, как правило, день совета праздничным не считают. В прежние годы суннат-той мог быть проведен через несколько дней после совета. Когда С. Наджимов в 1961 г. устраивал праздник обрезания, совет, сопровождавшийся угощением его участников (*маслахат-оши*), состоялся за три дня до суннат-тоя. Маслахат-оши было объединено с юк-оши (*йук оши* — угощение участников помочей, *хашар*, человек 25—30, которые помогли очистить пшеницу от сора).

В Хорезме маслахат устраивался за несколько дней до суннат-тоя и являлся причиной особого праздника — *кенгаши-туй*, или *маслахат-туй*⁵. Маслахат был отделен несколькими днями от суннат-тоя и у таджиков верховьев Зеравшана⁶.

3. Суннат-той требует больших расходов. Конечно, размеры затрат зависят от благосостояния, которое было неодинаковым у разных семей в разные периоды времени. К. Батыров вспоминал: «Когда я в 1954 г. устроил суннат-той для старшего сына, праздник длился два дня. Был зарезан один баран, на плов ушло 80 кг риса, на хлеб — 300 кг пшеницы. Тогда жили бедно». В последующие годы расходы возросли. Для суннат-тоя, проведенного С. Наджимовым в 1961 г. в честь старшего сына, были зарезаны два бычка, на плов ушло 200 кг риса, на хлеб — 700 кг муки; был выпит ящик водки. С. Пирматов в середине 1960-х годов устроил вместе с братом первый праздник обрезания для двух мальчиков — своего сына и племянника. Были зарезаны лошадь, бычок, три—четыре барана. В 1978 г. С. Пирматов провел той для двух внуков. На угощение пошло мясо быка и четырех баранов, 350 кг риса, свыше 1 т муки. В 1984 г., когда был дан той для внука С. Наджимова, расходы включили 11 ящиков водки.

В этот перечень не включены подарки, которые щедро раздаются на празднике гостям и помощникам. Почетным гостям и людям, выполняющим важную роль в организации праздника, обычно вручают комплект новой одежды, включая халат; к этому может быть добавлен и отрез материи, а для людей, оказавших помощь в проведении праздника, — и деньги. Обычно дарят поясной платок (для мужчин) и платок на голову (для женщин).

Крупные и мелкие дары на празднике обрезания получают, как правило, свыше сотни человек; число подарков бывает и много больше на торжествах, проведенных состоятельными людьми. К. Батыров в 1990 г. устроил суннат-той для двух внуков. «На подарки, — рассказывал он — ушло 70 комплектов одежды (*куйнак-чорси*), свыше 70 платков (*румол*). Сколько раз на базар ездили со списком! Разве упомянешь, кому что надо, — пальто, чопан, другое».

Средства на проведение праздника обрезания люди копят в течение многих лет. Жители Миндона неизменно подчеркивали, что семье приходится экономить на всем, даже на еде. Нередко часть денег берется в долг. Для прежних лет значительные расходы, очевидно, были обусловлены большим кругом приглашаемых на суннат-той гостей. «В 1960-х годах ошлаш имел очень широкие границы, — объяснял С. Наджимов. — Если для праздника хватало средств, некоторые люди звали гостей не только из всего Миндона, но и из соседней Араб-махалли, из Новгардана» (Киргизия).

Члены махалли и гости, согласно обычаю, помогают «хозяину тоя». Каждый является на суннат-той с подарком (*туйона*) — деньгами, пищей, вещами. Чем

теснее родственные (дружеские) связи с семьей «хозяина тоя», тем значительнее дар. Как рассказывал С. Наджимов, в 1961 г. «одного быка неожиданно для меня привел в подарок мой друг киргиз. До женитьбы я много работал для их семьи, помогал. Еще отцы наши дружили. И он меня тоже поддержал». Дары на праздник — помощь взаимны. Подарок со временем следует вернуть, т. е. вручить такой же стоимости или более дорогой дар, когда даритель сам будет устраивать праздник. Память может подвести, поэтому принято записывать в особую тетрадку, кто что подарил. Когда удастся дар возвратить, запись перечеркивают.

По общему мнению, пышно, с размахом, должен быть организован первый для родителей суннат-той — по случаю обрезания первенца. Суннат-той для других сыновей может быть проведен скромно.

4. По существу, суннат-той — это общинный праздник. Такой характер он носит и у узбеков Хорезма, и у таджиков верховьев Зеравшана, и у других народов среднеазиатского региона. Естественно, говоря о конце XX столетия, можно констатировать лишь некоторые пережиточные формы общины. Но особенности общественных связей, порожденных общиной, оказались прочнее, чем сама община, и по сей день они оказывают влияние на образ жизни узбекского села.

В Миндоне общинный характер суннат-тоя проявляется в том участии, которое принимает в проведении этого празднества махалля. Совет (маслахат), на котором обсуждаются организационные вопросы, связанные с предстоящим праздником, представляет собой собрание мужчин махалли, в которой живет семья «хозяина тоя». Совет, даже проведенный весьма формально (ибо хозяин уже сам определил размер затрат и круг гостей), и сегодня воспринимается людьми как согласие или благословение махалли на проведение суннат-тоя.

Интересна следующая деталь: члены своей махалли, торжественно призываемые на угощение глашатая, не считаются гостями. Принято говорить: «Глашатай приглашает махаллю». Махалля относится к категории «своих». Гость — это человек из другой махалли, в особенности если это сват и пришедшие с ним люди.

5. Суннат-той сохранил важную роль свата (кудо — отец келин, матери ребенка, которому сделано обрезание) и пришедших с ним гостей. Сват несет большие расходы на праздник: если он человек состоятельный, то дарит бычка, мясо которого идет на праздничное угощение. Свата и пришедших с ним членов его семьи, родственников, соседей и друзей — всех их также называют кудо — принято располагать в особом помещении (обычно в соседнем доме, где живет близкий родственник «хозяина тоя»); женщинам из группы сватов также отводят особое помещение, отдельно от других гостей. «В 1990 г. на наш огил-той для двоих внуков от разных сыновей кудо пришли с двух сторон, две разные группы, — рассказывал К. Батыров. — Примерно 70 мужчин и женщин в каждой группе. Для каждой группы кудо мы освободили отдельный дом. Даже если кудо из нашей махалли, он должен быть принят как особый гость».

Для сватов и угощение особое. Помимо плова и всего прочего, что подается гостям на празднике, для кудо в Миндоне принято резать барана, из мяса которого готовится суп *шурво*; не съеденное на празднике мясо распределяется между кудо, и они уносят его домой. Сверх этого каждый из группы кудо получает в дар порцию плова в глиняном блюде, и этот дар везут домой. Отцу келин, его жене и детям дарится по комплекту одежды; другие кудо получают по рубашке, платью, платку.

Такое особое положение свата и всей группы пришедших с ним гостей естественно вытекает из общинного характера праздника: видно, в прошлом кудо — представитель другой общины, откуда пришла келин. Важная роль свата не отмечена в описаниях праздника обрезания у узбеков Хорезма и таджиков Верхнего Зеравшана, что вовсе не означает отсутствия этого обычая. Остается ожидать новых сведений, которые покажут, сколь широко было распространено особое отношение к «сватам», сохраняющееся и в наши дни в Ферганской долине.

6. Чтобы на многолюдном празднике поддерживался порядок, коллективный опыт народа установил свои основы организации торжества. Издавна сложился

обычай выбирать (и обсуждать, вернее, объявлять на маслахате) группу лиц, каждый из которых несет ответственность за определенный участок работы, связанный с проведением праздника обрезания. Проведение суннат-тоя предполагает ряд ключевых фигур в организации обслуживания гостей.

Усто («мастер», имеется в виду цирюльник, делающий обрезание мальчику). В Миндоне роль усто во время праздника велика. Он следит за общим порядком, подает гостям угощение (при этом обычай разрешает ему наступать на скатерть *дастурхон*). Усто вместе с «хозяином праздника» — как правило, своей рукой — преподносит в конце торжества подарки другим лицам, ответственным за проведение праздника и обслуживание гостей. Есть мнение, что усто — главная фигура и на маслахате. Нередко он произносит и молитву, завершая праздник, после чего гости расходятся. Если молитву читает мулла, усто сидит рядом с ним.

По сложившейся традиции, профессия цирюльника передается по наследству, и большинство имеющих в Миндоне усто — родственники. За каждым из них закреплен особый ошлаш, поэтому на совете не обсуждается, кто будет усто на празднике: это ясно само собой. Если усто болен или по другой причине не может руководить суннат-тоем, его место занимает сын или другой родственник.

Распорядитель праздника (*туй оксоколи*, *туй боши*; *туй раиси*; иногда — *элликбоши*). Эту роль обычно исполняет председатель махаллинского комитета (*махалля оксоколи*). Считается, что он руководит празднеством, следит за порядком. Но так как каждый участник праздника знает свои обязанности, должность распорядителя оказывается скорее формальной, почетной — тем более, что за порядком следит и усто.

Повар (*ошпаз*); главная задача его — приготовить плов. Выбор повара не предопределяется какими-либо правилами, его приглашают, руководствуясь личным предпочтением. Многие жители Миндона зовут на суннат-той специалистов из соседнего кишлака Чимиёна, где мужчины квартала Арча славились как искусные повара. Этот квартал даже называют махаллей поваров (*ошпазлар махалласи*). В мае 1991 г. на празднике обрезания, устроенном Д. Кошназаровым (махалля Хурава), поваром был 80-летний Темир-ова⁷, опытный специалист, живущий в другой части Миндона; ему помогали сыновья и ученики (*шогирд*).

Мясник (*кассоб*); его обязанность — зарезать и разделать животных (бык, баран) и при раздаче плова распределять вареное мясо. Мясника принято приглашать из своей махалли, хотя бывают исключения. Так, на празднике обрезания сыновей М. Абдулхаифова (сельсовет Гульшан) в августе 1991 г. по настоянию свата (отца матери мальчиков, ради которых устраивался праздник) кассобом был его родственник и сосед Миножаддин, живущий в другой махалле. Последний вначале не соглашался: «Мы обидим кассоба из махалли — Мамедали». Он дал согласие лишь при условии, что Мамедали попросят ему помогать. Мамедали, действительно, обиделся. Ему пришлось объяснять, что без его участия начинать работы нельзя. Уважение было оказано, и Мамедали смягчился. Так на празднестве оказалось два мясника, один из них — главный.

«Амбарщик» (*амбарчи*, или *нончи*) — человек, который стережет приготовленный для праздника хлеб. Для него отводят особое место (комнату в доме, огороженное место под навесом вне дома). На суннат-тое М. Абдулхаифова «амбарщик» и его помощник располагались на крыше дома, где был сооружен «амбар» — нечто вроде просторной хижины с навесом от солнечных лучей. Здесь им никто не мешал. Хлебопеки в корзинах приносили на крышу свежеспеченный хлеб, «амбарщик» пересчитывал его и аккуратно складывал вместе с помощником на расстеленной ткани. «Амбарщик» подчинялся усто. Время от времени последний кричал снизу, чтобы дали столько-то хлебов. Двое молодых мужчин взбирались на приставленные к стене дома деревянные козлы, принимали от «амбарщика» или его помощника хлеб и передавали другим мужчинам, стоящим на земле. Затем хлеб раскладывали перед гостями.

Хлебопек (*нонвой*) — фигура важная, но сегодня не обязательная, так как хлеб

лиц, зты, по- ку). сом, рть й — ве- ура его

можно привезти, предварительно договорившись, из пекарни. В случаях, когда выпечка хлеба для праздника производится согласно традиции, хлебопек с группой помощников, четырех—пяти учеников-шогирд, сооружает специальную печь для хлеба (*тандир*) на усадьбе «хозяина праздника». Дело это не простое и требует навыка. В августе 1991 г., когда готовились к суннат-тою в одном из хозяйств Миндона, печь дала сильную трещину, и работу пришлось начинать сначала. Откуда приглашать хлебопек, значения не имеет. К. Батыров для суннат-тоя в честь своих внуков позвал хлебопек из Алты-Арыка.

«Чайханщик» (*чойхоначи*, или *бокчи*; *бок куйган* — от русского «бак», «бачок»). Его обязанность — следить за тем, чтобы в большом баке в нужное время всегда была кипяченая вода для чая. Обычно он сидит постоянно рядом с баком, а его помощники разносят гостям чайники с чаем.

Наконец, еще одна заметная должность — глашатай (*туйга чокирувчи*, *туйга айтувчи* и т. п.). Он кричит, приглашая махаллю или ошлаш на угощение. Обычно выбранный в махалле глашатай исполняет свою роль постоянно. Однако если он заболел или уехал куда-то, его с легкостью заменяют. Сегодня в каждой махалле или ошлаше свой глашатай, хотя в 1960-е годы на весь Миндон было три—четыре глашатая. На эту должность выбирали общительных, уверенных в себе людей. В прежние годы, в отличие от наших дней, глашатаями были пожилые люди. Бывало, один глашатай отправлялся верхом на коне в одну сторону кишлака приглашать на праздник, другой — в противоположную. На суннат-тое С. Наджимова, проведенном в 1961 г., было два глашатая. С. Наджимов объяснил: «Оба они были близкими родственниками моего отца и спорили между собой, каждый желал быть туйга айтувчи. Чтобы погасить страсти, отец решил: пусть оба ходят и приглашают». Глашатай требуется только для суннат-тоя, свадьбы обходятся без него.

Дастарханчи (*дастурхончи*) — распорядительница праздника на женской стороне. Подобно председателю махаллинского комитета, дастарханчи, выбранная с учетом необходимых личных качеств, выступает в этой роли много лет, если жизненные обстоятельства ей позволяют. Обычно у нее есть помощница, которая замещает ее, когда требуется.

Кроме названных основных фигур на суннат-тое (как и на любом другом многолюдном празднике) есть еще два—три десятка помощников. Когда хлебопеки устанавливают тандир, им готовы помочь еще 20 мужчин — родственники и соседи «хозяина тоя». Когда ошпаз наблюдает за котлами с пловом, рядом с ним не только непосредственный помощник — шогирд, но еще человек 10—15 мужчин, которые сидят в тени деревьев, готовые оказать повару содействие. Своя группа помощников и у чойхоначи. Помощники — это обычно родственники, свойственники, соседи и друзья членов семьи, устраивающей праздник.

Согласно традиционным нравственным нормам народа, высоко ценится помощь ближнему человеку, в том числе и при проведении празднеств. Ради праздника можно забыть обиды. Так, у одного жителя Миндона не сложились отношения с мужем сестры, который позволил себе оскорбительную грубость. Тем не менее, этот мужчина появился на суннат-тое в честь своего племянника и деятельно участвовал в работах по проведению торжества.

Четкая организация, благодаря которой на узбекских праздниках царит порядок, поддерживается общим убеждением, что оказать помощь «хозяину тоя» и его семье — долг родственника и соседа. Праздник должен пройти хорошо; эта мысль определяет отношение людей к своему участию в разного рода работах на празднике. Сложившиеся давным-давно формы организации общественного мероприятия вступают в действие, как только гости приближаются к дому: у ворот их приветствуют несколько мужчин, в том числе иногда сам «хозяин тоя», приглашая на усадьбу.

В течение года в каждой махалле суннат-той проводят несколько семей. Больше всего праздников обрезания приходится на август — сентябрь. Для праздника требуется один и тот же набор предметов — большие котлы, столы, бак для

кипячения воды, чайники, дастарханы. Все это является общей собственностью ошлаша или махалли и находится на хранении (за символическую плату) в одном из домов. Семья, устраивающая суннат-той, может быстро получить данный набор предметов. Махаллинский комитет следит за тем, чтобы праздники в махалле и в ошлаше не проводились в одни и те же дни.

И в наши дни жив архаический обычай, согласно которому считается, что суннат-той проводит не отец мальчика, а дед, если ему посчастливилось дожить до этого события. Соответственно и глашатай зовет гостей на праздник деда, а не на праздник отца мальчика. В августе 1991 г. был дан той для трех детей М. Абдулхаифова. Фактически представителем и главой семьи выступал его отец. Но «хозяином тоя» все же считался его почти 100-летний дед Абдулхаиф. С. Наджимов в 1961 г. отпраздновал суннат-той в честь старшего сына. «Я сделал той на свои средства, — рассказывал он. — У отца не было возможности мне помочь. Но гости давали туйона (приношение к празднику, обычно деньги) моему отцу, ибо хозяином тоя считался он».

Расскажем о суннат-тое, проведенном от имени 80-летнего Абдырахмона Узакова в 1991 г.

Той был устроен ради трех внуков А. Узакова. Один из мальчиков был сыном Мухаммеда (старшего сына А. Узакова). Года два назад семья уже провела огил-той для первенца Мухаммеда. Теперь той давали в честь двух сыновей Мамира (младшего сына А. Узакова) и второго сына Мухаммеда. По существу следовало бы считать, что этот праздник проводит Мамир. Если бы отца не было в живых, братья могли бы устроить праздник отдельно, каждый от своего имени. В этот раз суннат-той давался для трех мальчиков вместе; «хозяином тоя» выступал, согласно обычаю, их дед, Абдырахмон-ова.

Предварительный день, *маслахат-той*. 28 августа, среда. Глашатай Холмат начал кричать примерно в 17 час. 15 мин.: «Всем на маслахат-той Абдырахмон-ака! (*Яппасига Абдирахмон-аканикига маслахат-туйга!*)!». Этот призыв он выкрикивал, проезжая на велосипеде, у каждого дома своей махалли (улица Таксым-куча). Сегодня приглашалась только своя махалля (включая несколько хозяйств смежной улицы соседнего сельсовета Гульшан). Людей с улицы Кызылкуч, которые входят в ошлаш, будут звать завтра.

Председатель махаллинского комитета Аблоберди Дехканов и усто Изатулло Шерматов уже с час как были на усадьбе «хозяина праздника». Вскоре после призывов глашатая они вышли к воротам встречать соседей по махалле. Здороваясь с ними, мужчины проходили в *мехмон-хону*, расположенную метрах в пяти—шести от ворот усадьбы. На внутренней части усадьбы около десятка человек, близких к «хозяину тоя», занимались работами, связанными с обслуживанием участников совета. Зять Абдырахмон-ова, муж его дочери Мухаббат, варил плов. На плов ушло 7 кг риса. Среди обслуживающих (*хизмат килганлар*) — родственники и соседи, как молодые, так и пожилые люди — например, 65-летний Абдилахат-ака, брат жены «хозяина тоя».

Как только первая партия пришедших на маслахат мужчин разместилась в просторной комнате мехмон-хоны, юноши стали приносить большие блюда с хлебом и виноградом. Не входя в комнату, они передавали блюда Аблоберди-ака и усто, а те ставили блюда с угощением на скатерть перед гостями. Вот юноша принес на подносе чайники с чаем: он переступил порог и поставил поднос на пол. Аблоберди-ака передал чайники гостям. Уже пришло более 15 человек. Аблоберди-ака и Изатулло-ака вновь вышли встречать участников совета к воротам. За чаепитием идет неторопливая беседа, обсуждаются в основном политические события последних дней. Усто вернулся в мехмон-хону. «Чая хватает?» — спросил показавшийся в дверях молодой человек. Его успокоили: «Хватает». Вскоре Абдилахат-ака сообщил: «Плов несут». Молодые люди приносили блюда с пловом, а Изатулло-ака ставил блюда перед сидящими за дастарханом. Первое блюдо усто поставил перед самым старшим — Кочкаром Моллаевым, которому за 70 лет.

Когда собравшиеся 30—40 человек угостились пловом, был позван хозяин А. Узakov, чтобы начать совет. К. Моллаев поблагодарил хозяина за вкусный плов. Как старший, он и говорил на совете больше других. Разговор о празднике был деловым, спокойным, никто никого не перебивал.

Сначала определили, когда начнется и сколько дней продлится той. Потом уточнили, кто будет исполнять основные работы по обслуживанию праздника. Позвали Холмата, который кипятил воду для чая. Будет ли он глашатаем? Холмат объяснил, что завтра занят и не сможет. Остановились на другой кандидатуре.

Хозяин сказал: «Поваром будет Сабир». Вновь начал говорить К. Моллаев, выясняя, кто будет отвечать за тот или иной участок работ. Вскоре картина была ясна. Мясником будет Мамедали, сосед «хозяина той». Ему поможет его шогирд Мирза, который постоянно сопровождает Мамедали. Поваром будет Сабир, брат «хозяина той». Ответственным за чай (*чойчи, самоварчи*) согласился быть Холдаш, сосед «хозяина той». Пост «амбарщика» займет Хаким. (Мамажон, который был «амбарщиком» на той, проведенном несколько дней назад в Гушльшане, отказался: «Я болен». Прежний «чайханщик» тоже просил войти в его положение: он строит дом, к нему уже пришел мастер.) «А вообще мы стараемся, чтобы люди не менялись: у них все уже налажено», — пояснил Аблоберди-ака.

Тандир строить не будут и хлеб закажут в пекарне. Когда совет был закончен, прочитали молитву. Маслахат закончился в 18.45, участники его сразу же разошлись, а вслед за ними минут через 10 покинули усадьбу «хозяина той» и те, кто помогал в обслуживании гостей. Остались только свои.

Первый день, *хатми Куръон* (прочтение Корана), 29 августа, четверг. Этот день можно назвать и сокум-оши (сухим — убой скота), так как мясник режет бычка.

Утром привезли первую партию хлебов (*нон* или *кулча*). Хлеб сложили, прикрыв полиэтиленом, в углу двора, в специально огороженном месте (*нонхона*). Расчет с хлебопеками состоится по окончании той.

В 11 час. на усадьбу «хозяина той», где уже хлопотали занятые обслуживанием гостей люди, пришли шесть мулл из разных кварталов Миндона, чтобы совершить обряд прочтения Корана. Муллы были приняты не в мехмон-хоне, где проходил вчера маслахат, а в соседнем доме, где живет сын старшего брата «хозяина той». Вместе с ними прошли в комнату для участия в обряде и несколько стариков.

Арабское слово *хатм* предполагает прочтение всего текста Корана. По мнению многих наших собеседников, священную книгу следует прочитать до праздника. «Хозяин той» заранее обращается с просьбой к какому-либо мулле сделать это, естественно, за вознаграждение. К суннат-тою Коран уже прочтен, и в ходе обряда муллы читают лишь несколько страниц — каждый свои. По другому разъяснению, весь Коран можно прочитать и во время обряда, если образованных людей много; на долю каждого из них выпадает не много текста. Один из пришедших для обряда хатми Куръон мулл, И. Сулейдинов (ему 52 года), сказал: «Это раньше в кишлаке было много грамотных людей. Даже простые дехкане могли растолковывать аяты Корана... А сейчас мы так не сможем. Весь Коран не прочитаем... Сегодня мы будем читать те суры, которые знаем, — по памяти или по книге».

Расположившись в отведенной для них комнате, муллы и пожилые люди пили чай со свежим хлебом и сладостями, угощались виноградом, дынями, арбузами. Шел общий разговор на разные темы. В 13 час. усто поставил перед каждым участником обряда чашу с супом (*шурво*). Все поели. Кто-то внес и поставил на дастархан, поближе к муллам, поднос, на котором на расстеленной газете можно было видеть воду в чайнике, пучок руты (*исырык*), чай в целлофановом пакете и соль в фарфоровой чаше (*чинни*). «Все это мы называем *кайтарма* — „возвращение“. Ибо польза (*фойда*) от прочтения Корана должна остаться в этих вещах и вернуться тому, кто устраивает той. Воду выпьют женщины, чай, соль и исырык раздадут близким людям, чтобы и им досталась эта польза (*уларга-хам фойдаси тегсин*)», — объяснил И. Сулейдинов.

В 13 час. 10 мин. трое мулл раскрыли каждый свою книгу Корана, и чтение священной книги началось — вслух, нараспев. В 13 час. 45 мин. муллы окончили чтение и прошли в соседнюю комнату, чтобы совершить полуденный намаз. Поднос с водой, исырыком, чаем и солью был унесен в дом «хозяина тоя».

Вернувшись после молитвы к дастархану, муллы получили подарки (отрезы материи и деньги). Кроме того, каждый из участников обряда получил по поясному платку, 4 хлеба и лепешку-*патир*, поверх которой были положены 4 пирожка-*сомса*. Около 14 час. принесли плов. В Миндоне специально для мулл и участвующих в обряде прочтения Корана пожилых людей принято готовить плов в небольшом котле. Этот плов готовится на бараньем сале. Того, кто сварил плов, «хозяин тоя» одаривает отрезом материи и несколькими рублями.

По окончании трапезы был призван «хозяин тоя» Абдырахмон-ова, и старший из мулл прочитал молитву с благопожеланиями всей его семье. Около 15 час. муллы покинули усадьбу «хозяина тоя».

Примерно в 15 час. 20 мин. мясник стал готовиться к убою быка. Несколько молодых мужчин под его руководством прямо в помещении для скота связали быка. Эта работа обычно занимает 15—20 мин. и требует осторожности и сноровки, ведь бык сопротивляется. Связанного быка оттащили метров на пять в сторону, у его головы кетменем вырыли ямку для спуска крови. *Махалля комитети* держал наготове нож, следя за мясником. Быку задрали голову и кассоб, 59-летний Мамедали-ака, взял нож у Аблоберди-ака. В ямку хлынула кровь. К мяснику подошла жена «хозяина тоя», держа в руках белоснежную рубашку и поясной платок — подарок за работу (*кассобдинг хоки*): «Рубашку я сама сшила. Сама надену на вас». Мамедали-ака не стал брать своими руками дар: «Потом. Сейчас я весь в грязи». Рубашку и чорси передали на сохранение глашатаю Холмату. Мамедали-ака стал разделывать быка. Вокруг него стояло человек семь — восемь, готовых помочь. Одному из них кассоб доверил освободить от шуры передние ноги. У туши быка толпились детишки, которых взрослые безуспешно отгоняли.

Другая важная работа первого дня — подготовка очагов для больших котлов, в которых будет вариться плов. Очаг представляет собой яму определенных размеров. Мужчины начали выкапывать очаги сразу после заклания быка. Неподалеку стоял котел на железной печи цилиндрической формы.

Из дома, где живет Абдырахмон-ова, слышались звуки бубна и пение. «Пришли гости — женщины, которые работают в полевой бригаде вместе с моей дочерью, Мухаббат, — пояснил хозяин. — И в другом доме, у Мухаммеда, тоже гости — и мужчины, и женщины, которые работают вместе с ним на обувной фабрике. И к Мамиру пришли гости — мужчины, вместе с которыми он работает на животноводческой ферме».

А в мехмон-хоне тем временем председатель махаллинского комитета, усто и еще три—четыре человека уже чистили морковь для вечернего плова, которым «хозяин тоя» будет угощать членов своей махалли и всех прочих, кто придет помогать ему чистить морковь для завтрашнего дня. Завтра будет сварен плов в двух казанах, вмещающих до 80 кг риса; потребуется около 200 кг моркови, которую можно быстро очистить лишь коллективными усилиями.

В 18 час. 30 мин. на улице Таксым-куча раздались крики глашатая, призывавшего мужчин махалли на очистку моркови в дом Абдырахмон-ова. Пришло около 50 человек. Вначале им был предложен в мехмон-хоне плов, затем там же началась сопровождаемая шутками работа, которая длилась примерно два часа. Пришедшие к сыновьям «хозяин тоя» гости в чистке моркови не участвовали.

Второй день праздника, 30 августа, пятница. Общепринятого названия у этого дня нет. Так, М. Абдулхаифов, прошедший суннат-той за несколько дней до А. Узакова, говорил: «Второй день праздника обычно называем *хадими-туйи* (*хатми той*, т. е. *хатми Куръон*), так как именно в этот день раньше происходило чтение Корана. Теперь его чаще всего переносят на первый день, потому что во второй день приходит много народа; удобнее приглашать мулл днем раньше —

спокойно, тихо». По мнению С. Наджимова, второй день (как, впрочем, и первый) можно назвать *нонвой оши* (плов хлебопека).

Около 7 час. утра начал кричать глашатай, приглашая махаллю: «К Абдырахмон-ова на завтрак! (*Абдирахмон-ованикига ноништага!*)». Хозяин встречал гостей, сидя перед домом на скамеечке, а у ворот стояли махалля комитети Аблоберди-ака и брат жены хозяина Абдилахат-ака. Пришедших на завтрак людей рассаживали в комнатах или в тени под навесом на ватных постилках. В этот день утром гостей принято угощать горячим хлебом, сладостями (это, в частности, *парварда* — конфеты из муки и сахара), а также традиционным лакомством *нишолда* (взбитые яичные белки с сахаром и мыльным корнем). К огорчению «хозяина тоя», *нишолды* на этот раз не было. Ее заказывали, но специалисты по ее изготовлению (*нишолдачи*) не смогли найти сахар. Усто Изатулло был утром занят, и его обязанности выполнял его сын Хидоятullo.

В 8 час. кассоб Мамедали сказал: «Пора заняться мясом» и приступил к своим обязанностям. Бычок дал примерно 250 кг мяса, все оно должно пойти на угощение, однако его еще необходимо правильно распределить. Был зарезан бык из хозяйства Абдырахмон-ова. Сват подарил к празднику небольшого бычка, но забивать его было нецелесообразно.

Усадьба, в которой происходит праздник, называется *той-хона* (*туй-хона*). Этот термин нередко употребляется и в отношении соседних усадеб, в которых размещают пришедших на торжество людей или делают какие-либо работы, связанные с проведением праздника. Социальные преобразования советского периода не отразились на обычае, когда на празднествах в ферганском кишлаке женщины сидят отдельно от мужчин. Женщины располагаются в доме «хозяина тоя» (в той его части, которая обращена в сторону внутреннего двора). Иногда «женская половина» отгораживается от мужской, например, развешенными на веревках полотнищами. И на этот раз под женскую часть *той-хоны* был отведен дом «хозяина праздника».

Уже часов в восемь на женскую половину прошли несколько женщин с большим узлом. Это подруги дочери Абдырахмон-ова, Мухаббат. На суннат-той принято приносить подарки мальчикам, которые уже подверглись обрезанию. Принесенное (главным образом новая одежда) развешивается в одной из комнат для всеобщего обозрения. После обеда женщины займутся этим в обоих домах (Мухаммеда и Мамира).

В 9 час. огонь в очагах вовсю полыхал под котлами. У очагов — повар С. Шерматов и человек десять его помощников. Молодые люди носили в белых полотнищах морковь и рис к арыку — промыть перед варкой. К 9 час. 30 мин. казан был заполнен, он вмещал 80 кг риса. Помощники следили за огнем. Один клал вязанку прутьев в огонь, другой толкал ее глубже в очаг шестом. Готовили «вареный плов» (*софаки ош*).

Около 10 час. присутствующих стали кормить супом шурво. К воротам подъехала грузовая машина: привезли столы и скамейки для гостей. На женскую половину прошла молодая женщина с большим узлом на голове. «Это дочь Абдырахмон-ова, — пояснили нам. — У него семь дочерей. Каждая придет с подарками». Вскоре появилась еще одна дочь хозяина, также нагруженная дарами.

В 10 час. 20 мин. у ворот усадьбы остановилась легковая машина, из которой вышли музыканты — жители Араб-махалли. Они часто приезжают на празднества в Миндон и другие кишлаки округа. В составе оркестра — трубы *карнай* и сурнай и барабаны *дул* и *ногора*. Руководитель музыкантов Балтабой Аскаров тепло поздоровался с Абдырахмон-ова: они много лет работали вместе. Войдя во двор, музыканты заиграли. Некоторое время оркестр находился на мужской части *той-хоны*. Сын младшего брата «хозяина тоя» танцевал. Затем музыканты прошли на «женскую половину». Жена Абдырахмон-ова сразу же повязала на *карнай* платок — дар музыкантам. Женщины по очереди танцевали. Танцы длились более получаса.

В 11 час., когда музыка стихла, Балтабой произнес длинную и красивую

речь-благпожелание. Он отказался он вознаграждения. «Мне ничего не надо,— сказал Балтабой.— Мы с хозяином работали вместе. Пусть все будут здоровы и счастливы». Подарки оркестру — отрез ткани, рубашки, платки, деньги — все-таки вручили. Музыканты угостились чаем с лепешками и в 11 час. 15 мин. уехали. Хозяева настойчиво приглашали их дождаться плова, но у оркестра уже была договоренность появиться в другом кишлаке.

Наконец, глашатай призвал махаллю на плов, и мужчины сели за столы, расставленные в несколько рядов почти в центре двора. В 11 час. 25 мин. усто дал команду повару и мяснику: «Начнем!» Человек шесть молодых людей из числа помощников встали в очередь у казана, каждый с двумя пустыми блюдами. Ошпаз накладывает в блюдо плов, и помощник направляется с ним к мяснику, сидящему за столом в тени дерева близ казанов. Тот кладет на блюдо две порции мяса (одно блюдо подавалось на двух человек). Усто принимает у молодых людей блюда с пловом и ставит их на стол перед гостями.

На грузовой машине приехало человек 25 мужчин и женщин. Это «сваты» (кудо): сам отец келин, его семья, родня, соседи. Из кузова выгрузили и внесли в дом Мамира много узлов с дарами. Мухаммед пояснил: «Мои кудо уже приезжали, я уже один раз давал огил-той». Мужчин-кудо разместили в соседнем доме, где муллы накануне читали Коран. Вскоре привели барана, чтобы зарезать его и сделать шурво для сватов. Но те отказались от особого угощения, заявив, что им достаточно плова, приготовленного для всех. Барана увели.

Для подарков «свояков» и других гостей на веранду дома Абдырахмона-ова вытащили ярко раскрашенный сундук. Естественно, в него положили лишь мелкие вещи, а одеяла (*курпа*) и матрацы для сидения (*тушак*) унесли в комнату. «Когда праздник кончается, мы вознаграждаем усто, повара, мясника; вещи берем из этого сундука», — сказала Мухаббат. Подарки гостям (предметы одежды, отрезы ткани, нередко насмешливо называемые *латта* — «тряпки») также достают из сундука.

Сегодня будут даны подарки (*сеп берилади*) «сватам»: отцу и матери келин, ее брату, жене брата, сестрам и племянникам — комплект одежды. Другие гости, приехавшие вместе со «своями», получают рубашку, платье, платок. Вручить подарки им можно и до плова, и после него.

В 12 час. 30 мин. в маленькой комнате мехмон-хоны, куда переместился «хлебный склад» (*нон-хона*), продолжается работа, важная для традиционного ритуала. Хаким-ака, пожилой сосед «хозяина тоя», и 21-летний Савлатбой, племянник (жиен) Мухаммеда, «обменивают хлеб» (*нон олантиради*). Молодые люди приносят им узелки с приношениями пришедших в гости женщин. Савлатбой развязывает узлы, а Хаким-ака сортирует содержимое, раскладывая на разные блюда рис, лук, яйца, хлеб. Взамен Савлатбой кладет в блюдо или корзину гости от четырех до восьми хлебов (количество зависит от того, сколько продуктов принесено в дар). Завязанный узелок с хлебом передается через окно юношам, помогающим обслуживать гостей. Те относят узлы женщинам из семьи «хозяина тоя», которые добавляют к хлебу сладости и другие дары. Когда гостя соберется уходить, ей вручат ее узелок.

В 13 час. 30 мин. вновь появились музыканты из Араб-хоны, но уже другая группа — два карная, два барабана; оркестр сопровождал мальчик на ходулях. Задержавшись у мужчин всего на несколько минут, музыканты прошли к женщинам, к дому «хозяина тоя». И на этот раз хозяйка повязала платок на карнай. Женщины выходили танцевать. Зрительницы поощряли танцующих, вручая им деньги, набрасывая на плечи или на голову платки. И деньги, и иные дары, согласно обычаю, передавались музыкантам. Наконец музыка стихла, и старший среди музыкантов произнес речь-благпожелание. В 13 час. 55 мин. музыканты направились к выходу. Однако их не отпустили, усадив за стол отведать плова.

Около 14 час. шогирд повара стал очищать казан. Праздничный ритуал, проводившийся в дневное время, закончился. Через полчаса кое-кто из помощников отправился домой, но многие продолжали сидеть, ожидая часа,

когда надо будет готовиться к вечеру — к танцам (*базм*). Тогда вновь придет повар и сварит коурму.

В одной из комнат дома «хозяина тоя», где женщины вели оживленные беседы, на протянутых от стены к стене двух веревок развесили новую одежду, принесенную в подарок одному из мальчиков. «Завтра будет еще больше», — сказала Мухаббат.

Базм начался около 20 час. Столы с едой расставили в два параллельных друг другу ряда, оградив тем самым площадку для танцев. С одного конца оба ряда соединили, образовав букву «П». Тут был поставлен специальный деревянный помост (*сури*) для музыкантов, куда поместили звукоусилительную аппаратуру. Артисты — работники музыкального училища г. Кувы — пели популярные узбекские эстрадные песни. За столами сидели сыновья и дочери Абдырахмон-ова, соседи из махалли. Гости вознаграждали танцующих деньгами: засовывали бумажные купюры под тюбетейку мужчинам или набрасывали на плечи отрезки материи, платки женщинам. Подарки и деньги отдавали музыкантам.

Один из последних танцев носил характер игры: немного потанцевав, молодые люди приближались к расстеленному на площадке полотнищу, широко расставляли ноги и наклонялись, чтобы достать зубами лежащие на ткани деньги. Многие проделали это упражнение с большой ловкостью. Ведущий время от времени предоставлял слово для краткой речи кому-либо из присутствующих. Танцы закончились вскоре после 23 час. Музыкантов отвели в дом Мухаммеда и сытно накормили. Затем артисты уехали.

Третий день, *кенгаш*, или *катта-той*, суббота 31 августа. Название катта-той (большой праздник) понятно; в этот день — больше всего гостей. Название *кенгаш*, или *кенгаш-той* (совет, праздник совета) объяснить сегодня затруднительно.

Глашатай начал кричать, призывая на завтрак, в 6 час. 50 мин. За завтраком подавали шурво, хлеб, сладости, чай. В роли усто выступал Хидоятullo, сын Изатулло-ака.

В 8 час. 10 мин., когда на мужской половине той-хоны собралось около сотни человек, явился музыкант-сурнайчи из Араб-махалли с тремя мальчиками: двое играли на барабанах, один — на европейском (двумя палочками), другой — на традиционном (одной палочкой). У третьего мальчика к одежде было прикреплено изображение лошадки, он танцевал как бы верхом на лошади⁸. После первых звуков музыки сурнайчи громким голосом произнес благопожелание, испрашивая у бога потомство для тех, у кого нет детей. Потом под музыку начались танцы. Через некоторое время мальчик «с лошадкой» стал обходить присутствующих, собирая деньги — вознаграждение музыкантам. Выручку мальчик положил в карман играющего на сурнае отца.

Поиграв минут десять, сурнайчи вновь произнес длинное и изысканное благопожелание и прошел с мальчиками на женскую половину, где танцы продолжались минут пятнадцать. Хозяева наградили сурнайчи подарками и приглашали остаться на плов, но музыкант вновь произнес благопожелание, на этот раз обращенное к старшим мужчинам, и направился к выходу.

К 8 час. 30 мин. помощники повара уже промыли рис и морковь. В трех очагах под казанами пылало пламя. В 8 час. 45 мин. один казан с пловом был закрыт сверху полотнищем ткани, называемым «фартук», чтобы замедлить испарение влаги. Усто принес подогретую шурво двум молодым людям с улицы Миндон-куча, не успевшим вовремя прийти на завтрак. Один из них — родственник, другой — друг сына «хозяина тоя». Затем усто и махалля оксоколи сели на стулья у деревянного помоста, где в тени дерева уже расположилось человек шесть пожилых мужчин — родственников и соседей.

Около 9 час. 30 мин. кассоб неспешно занял свое место у стола, разложив свежесваренное мясо к плову и прикрыв его чистой марлей. Человек десять мужчин — родственники, друзья, соседи — сидели за столами вместе с сыном «хозяина тоя» Мухаммедом. Постепенно число пришедших на праздничный плов увеличивалось. Часам к одиннадцати собралось около сотни мужчин.

В 11 час. 10 мин. глашатай Холмат приступил к своим обязанностям. Пройдя на центр двора, где сидели за столами мужчины, он громко прокричал: «Всем на совет (т. е. на праздник) к Абдырахмон-ова! (*Яппасига Абдырахмон-ованикига кенгашка!*)». После этого жена «хозяина тоя» поднесла ему халат, рубашку и поясной платок. Рубашку Холмат не надел — жарко. Некоторое время он сидел среди собравшихся у казанов мужчин в опоясанном новом халате, но вскоре снял его.

Начали раздавать плов. Молодые люди — помощники, встав в очередь у казана, получали по два блюда с пловом, затем подходили к мяснику, клавшему на плов положенную порцию мяса, и вручали блюдо усто Хидоятулле. Тот ставил блюдо перед гостями.

Пятидесятилетний Ульмас-ака, сосед Абдырахмон-ова по махалле, напомнил, что по обычаю во время тоя устраивалась борьба. Он предложил одному из мужчин своего возраста продемонстрировать вместе с ним, как это делалось. Сверстник Ульмас-ака охотно согласился, и некоторое время оба шутя пытались повалить друг друга на землю. По распоряжению усто Ульмас-ака сразу же получил блюдо плова и четыре хлеба.

Вообще, когда на тоях бывает борьба, то и победившего, и побежденного принято вознаграждать блюдом плова, а также рубашкой и поясным платком. За тем, чтобы подарки борцам были вручены, обязаны следить и усто, и туй оксоколи.

В 11 час. 30 мин. находившийся на мужской части той-хоны глашатай вновь прокричал приглашение к кенгашу Абдырахмон-ова. Затем он стал столь же громко призывать на кенгаш и некоторых из присутствующих — сначала одного, потом другого, обращаясь к ним по именам. Принято начинать этот обряд с самых близких родственников «хозяина тоя». Вслед за родственниками идут уважаемые соседи и друзья (кое-кто из наших собеседников утверждал, что раньше глашатай называл имена только родственников «хозяина тоя»).

Смысл этого действия — благопожелание, чтобы у названных глашатаем людей тоже состоялся бы праздник обрезания. Тот, кому таким образом было публично высказано уважение, подходил к глашатаю и вознаграждал его 4—5 руб. (1991 г.). Кое-кто засовывал деньги под его тюбетейку. Этот обряд воспринимается всерьез. Еще вчера несколько человек заранее дали деньги Холмату, чтобы сегодня он выкрикнул приглашения на их кенгаш.

Холмат выкрикнул имена около 20 человек, очевидно, к удовлетворению всех присутствующих. Затем он прошел на женскую половину, где тоже громко призывал на праздник, на этот раз выкрикивая женские имена. (Будучи из той же махалли, глашатай прекрасно знает всех родственниц «хозяина тоя»; женщины охотно подсказывают ему, если он не упомянет кого-нибудь из тех, кого должен назвать.) Рядом с глашатаем стоял один из родственников Абдырахмон-ова и принимал от женщин подарки Холмату — отрезы материи, платки, деньги. Холмат выкрикивал приглашения к празднику в «женской половине» минут 10—15. Часов в 12 он сел на велосипед и уехал приглашать ошлаш к плову. На некоторых праздниках обрезания глашатай совершает этот обряд до того, как начнут раздавать плов.

Вскоре послышались звуки бубна и пение куплетов *ёр-ёр* на «женской половине»: начался обряд *ажратиб олиш* (здесь: «освобождение»). Женщины (обычно это дастарханчи и ее помощница) символически привязывают полотнищем ткани к колонне *айвана* хозяйку дома. Смысл обряда ныне забыт. В данном случае была привязана жена Абдырахмон-ова. Дастарханчи с помощницей (могут быть и другие женщины) держали перед ней полотнище ткани, в которое присутствующие по очереди бросали отрезы ткани, платки, деньги. Нередко женщины кричат родственникам «хозяина тоя», чтобы они приходили «освободить» (т. е. выкупить) мать или бабушку мальчика, ради которого устроен праздник.

Появилась группа улыбающихся мужчин. Женщины поддразнивали их веселыми восклицаниями. Каждый мужчина бросал на подставленное полотнище или передавал кому-либо из женщин деньги. Двое—трое родственников не сумели придти вместе со всеми, и женщины несколько минут ожидали, когда они прибу-

дут и вручат полагающуюся сумму денег (5—25 руб. в 1991 г.). Наконец удовлетворенные подарками и деньгами соседки «освободили» жену Абдырахмон-ова. Все прочитали молитву. Половину полученных подарков и денег забирают себе как вознаграждение за труд дастарханчи и помощница. Другая половина денег идет на общие расходы, в частности, на покупку посуды и дастарханов, которыми будут пользоваться в ходе общественных праздников.

Около 13 час. приглашенные глашатаем мужчины из ошлаша пришли на плов. Когда на катта-той отправляются гости из другой махалли, принято идти группой, а не поодиночке. Мужчины останавливаются у домов и поторапливают тех, кто задержался. Поэтому гости из другой махалли приходят обычно позже, чем свои. Сундук для подарков и в этот день стоит у айвана дома «хозяина тоя». Около 14 час. уже давно находившийся в усадьбе «хозяина тоя» усто Изатулло-ака стал готовить вознаграждение (*хак*) лицам, являвшимся ключевыми фигурами в обслуживании гостей. Он сидел на деревянном помосте *сури* вместе с председателем махаллинского комитета Аблоберди-ака, «хозяином тоя» и несколькими пожилыми мужчинами — близкими родственниками последнего.

Молодые люди принесли им одежду, отрезы ткани. Старейшины рассматривали вещи, советовались между собой, решая, кому что вручить. В итоге образовались три кучки; Изатулло-ака отнес их на невысокий стол, за которым во время праздника восседал мясник. Сейчас стол был пуст. Усто положил на него вещи. Это было вознаграждение повару, мяснику и «чайханщику». Никто не проронил ни слова. Всем было ясно, кому что принадлежит. На других празднествах вознаграждение вручалось несколько иначе. Например, на суннат-тое Д. Кошназарова (с улицы Хурава) в мае 1991 г. «хозяин праздника» вместе с усто подошли к повару, сидевшему на табуретке у казанов, и усто вручил ему комплект одежды и деньги, поблагодарив за нелегкий труд. Затем оба отправились к мяснику, сидевшему за своим столом, покрытым чистой тканью. Здесь повторилась та же церемония. Подарки получают и «амбарщик», и, конечно же, руководитель праздника туй оксоколи.

В конце кенгаш-тоя был проведен еще один обряд — *чупрон*, или *чипрон*. Это слово образовалось от таджикского *чукбурон* (обрезание). Чупрон совершают, когда гости из других кварталов уходят и остаются только мужчины из своей махалли, обычно человек 20—30. На чупрон могут остаться и «сваты». Хидоятулло взял у помогавших ему молодых людей и положил перед каждым из сидевших за столами три обычных хлеба (*нон*) и особо выпеченную хлебную лепешку-патир. Затем один из помощников подал Хидоятулло небольшие, в размер поясного платка, отрезы белого с крапинками ситца. Усто положил на стоявшую перед каждым из присутствовавших горку хлеба по отрезу ткани. В него завязывают подаренный на суннат-тое хлеб и с узлом идут домой. После того как Хидоятулло раздал хлеб и отрезы ткани, он стал принимать от гостей деньги (1—3 рубля и более, 1991 г.) в знак благодарности за свои труды. (По рассказам некоторых жителей Миндона, еще недавно сбор денег происходил иначе: усто расстилал скатерть, а присутствующие подходили и бросали на нее деньги.)

«Хозяин тоя» также отблагодарил усто, положив перед ним комплект одежды (халат, рубашку, поясной платок) и небольшую сумму денег. Собравшиеся одобрительно отнеслись к этому; усто честно заработал полученное. В течение двух—трех дней праздника Хидоятулло почти неотлучно находился в той-хоне среди людей, поддерживая порядок. Кроме того, в его обязанность входило сделать обрезание мальчику. Подарок усто вручается помимо тех денег, которые он, согласно обычаю, получает как прямую оплату своего труда. Обряд завершился молитвой, которую прочел старик-мулла около 14 час. 20 мин.

Вслед за этим усто направился на женскую половину. Оживленная беседа с присутствующими мужчинами не позволила нам наблюдать эту часть обряда в доме Абдырахмон-ова. Опишем, как она проходила на суннат-тое, устроенном Д. Кошназаровым в мае 1991 г. в честь трех внуков.

Вначале усто пришел в одну из комнат. Здесь на полу поверх подстилки

лежало новое толстое ватное одеяло, покрытое белой материей. Рядом с одеялом был расстелен дастархан с хлебом и сахаром на нем. Усто сел на одеяло «в ногах». Женщины одна за другой стали класть перед ним одежду — халат, рубашки, поясные платки. Некоторые передавали и деньги. Образовалась небольшая куча даров. Кто-то спросил: «Хватит?». Усто ответил: «Достаточно. Что дадите, того и хватит». Еще две женщины передали деньги, и какой-то мужчина на айване сказал: «Достаточно». Затем усто взял поданный ему через дверь совок с рутой (исырык) и окурил ее дымом нескольких мужчин, вошедших в комнату вместе с ним.

Внесли мальчика лет четырех, усто положил его на белое покрывало, постланное поверх одеяла, и перекатил к дальнему от двери краю одеяла. Внесли другого мальчика, поменьше, лет трех. Усто положил его на одеяло и несколько раз перевернул с одного бока на другой. (Разъяснения смысла обряда получить не удалось.) Затем старик Мухаммеджон-ова, которому перевалило за 80 лет, по предложению усто прочитал молитву (*фотиho*) с благопожеланиями.

Теперь усто пошел в другую комнату. И там на полу было постлано новое одеяло для мальчика; на это одеяло «в ногах» положили сложенное одеяло для усто. Здесь также был расстелен дастархан с хлебом и сахаром. Усто сел на приготовленное для него место на одеяле и стал принимать от женщин дары (халат, рубашки, деньги) — вознаграждение за работу. Он даже шутливо подзадоривал женщин: «Давайте, давайте!».

В комнату внесли и передали усто совсем маленького мальчика. Он положил его на одеяло и осторожно начал переворачивать с бока на бок. Рядом стояли три женщины, одна из которых — мать ребенка. Кто-то передал в комнату совок с тлеющей рутой; усто сначала окурил ее дымом мальчика, сделав над ним круговое движение, а затем присутствующих мужчин; женщин окурить забыл. (На одном из праздников мальчик вознаграждал усто 10-рублевой ассигнацией, когда усто окурил его дымом руты. Каждый из присутствующих мужчин вручил усто по рублю за обряд окуривания. Возвращая совок с рутой женщине, усто отдал ей и деньги.)

Мухаммеджон-ова прочитал короткое благопожелание. Усто попросил его прочесть и молитву из Корана. Старик прочитал молитву, завершив ее благопожеланием. Обряд был окончен. Все вышли из помещения. Женщины задержали Мухаммеджон-ова, и он, присев на айване, с большой охотой вновь произнес благопожелание.

В последние годы обрезание чаще всего делают хирурги в больницах. Усто же, положив мальчика на одеяло и обнажив его живот, лишь осматривает обрезанное место и констатирует, что ранка заживает хорошо. Если мальчик еще не обрезан, усто бросает взгляд на его крайнюю плоть и обычно говорит: «Готов!» (к обрезанию). На суннат-тое Д. Кошназарова усто не совершал обрезания: старший мальчик уже подвергался этой операции в больнице, а двое других еще не подросли.

Если усто все-таки делает обрезание, мать и кто-либо из близких родственников мальчика садятся по обе стороны от него и уговаривают терпеливо перенести боль. Мальчики с детства знают, что эта операция важна для мусульманина. Поэтому они внутренне готовы к ней и держатся достойно. Некоторые из них даже подбадривают усто. Цирюльник присыпает обрезанное место пеплом от сожженной ваты и закрывает его тубетейкой. Теперь некоторое время мальчик должен лежать спокойно. Усто уходит домой. На следующий день мальчика навещают друзья, приносят ему вареные яйца и сладости. Заходят соседи, родственники, говорят ласковые слова, дарят деньги. Родители следят, чтобы сынишка не резвился, пока не заживет ранка, и не гулял вечером, когда темно и духи могут причинить вред.

Такова в общих чертах картина суннат-тоя в Миндоне. Даже в наши дни этот праздник много богаче обрядовыми деталями, чем показано здесь. Подчеркнем, что суннат-той при сохранении главных обрядовых действий каждый раз протекает в чем-то по-иному, в зависимости от самых разных причин. В одних случаях он дается ради одного мальчика, в других — ради четырех; в одних случаях длится два дня, в других — три и т. д. Многие люди читают Коран не в первый день

праздника, а в предварительный, когда происходит маслахат, чтобы оградить обряд от суеты, неизбежной при скоплении людей.

В течение последних десятилетий суннат-той утратил некоторые обрядовые действия. Так, еще несколько лет назад женщины из махалли «хозяина тоя» приходили в той-хону «с дастарханом» (т. е. с дарами — пищей, материей, завернутыми в дастархан). «Это была настоящая помощь хозяевам тоя», — говорила одна пожилая дастарханчи. Однако сельский совет и махаллинские комитеты сочли нужным предать забвению этот обычай как обременительный. В последние годы женщины, если они не родственницы, приходят без «дастархана», собирают вкладчину небольшую сумму денег, рублей по пять с каждой (1991 г.), и передают жене «хозяина тоя». Уже не на каждом празднике привязывают к колонне мать или бабушку мальчика.

В суннат-той вошли и некоторые нововведения. Еще в начале 1970-х годов на праздниках люди рассаживались для трапезы на матрацах, расстеленных поверх подстилок на земле. Последние 15—20 лет люди сидят на скамейках за столами. Стали не так, как прежде, проводиться вечерние танцы (базм). В 1980-е годы вошла в моду звукоусиливающая аппаратура с микрофоном, музыканты играют на электроинструментах, ведущий выступает в роли тамады, предоставляя нужным людям слово. Во время базма пьют водку; по свидетельству жителей Миндона, в конце 1980-х годов в вечер танцев могло быть выпито 6—10 ящиков водки.

При всех внешних изменениях суннат-той сохранил свое ритуальное содержание и важное общественное значение. В кишлаке нет семьи, которая не устраивала бы этот праздник. При ссоре может быть как упрек задан вопрос: «Расстилал ли ты скатерть перед народом? (*элини олдиди дастурхон солганми сан?*)», т. е. проводил ли ты суннат-той, выполнил ли свой долг перед общиной? Смысл обременительных затратами праздника — в поддержании сложившихся в махалле, в кишлаке и в родственном кругу связей, что указывает на сохранение и в нынешних условиях традиционного жизненного уклада. Формальным выражением человеческих взаимоотношений искони служит дарообмен, при котором определенная обычаями стоимость подарка выразительно говорит о том, сколь близким или важным для себя человеком считает даритель получающего дар.

Как долго будут еще жить традиционные формы проведения праздника обреза? Ответить на этот вопрос нелегко. Уже ясно определилась тенденция к сокращению обрядности. Сокращению затрат на торжество будут в ближайшее время способствовать и экономические трудности, вызванные распадом Советского Союза, и влияние духовенства, которое не одобряет большой расточительности, связанной с суннат-тоем.

Не выступая в принципе против общественного празднества, муллы считают бессмысленными и ненужными огромные расходы. Местные муллы говорят, что проведение суннат-тоя не причисляется к богоугодным делам (*сахаби йук*). Обе причины в ближайшие годы могут привести к стихийному сокращению и ритуала, и масштабов торжества. Нельзя исключать, что на этот процесс могут оказать влияние и власти, которые сочтут целесообразным официально рекомендовать людям воздерживаться от расходов на многолюдные пиршества.

Примечания

¹ Снесарев Г. П. К вопросу о происхождении празднества суннат-той в его среднеазиатском варианте // Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сб. III. Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. ХСVII. Л., 1971. С. 262.

² См., например: Лобачева Н. П. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975. С. 75—77.

³ Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 262.

⁴ В статье отражены результаты полевых работ, проводившихся в 1990—1992 гг. Отделом Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН совместно с Сектором этнографии Института истории АН Узбекистана. Тема исследования — «Современный узбекский кишлак».

Миндон — большое селение в Ферганском районе Ферганской области (вилаёта) Узбекистана.

Расстояние между Миндоном и Ферганой около 30 км. Население Миндона — узбеки с древними традициями оседлости, без родоплеменных делений — насчитывает более чем 12 тыс. человек.

⁵ Снесарев Г. П. Указ. раб. С. 257.

⁶ Хамиджанова М. А. Туи хатна — обрезание у таджиков Верхнего Зеравшана // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981. С. 94.

⁷ «Ова» — слово, в местном говоре тождественное «бобо» (дедушка). Добавляется к имени пожилого человека.

⁸ Танец «с лошады» был известен маскарабозам Хорезмского оазиса. См.: Баскаков Н. А. Народный театр Хорезма. Ташкент, 1984. С. 33—35.

Sunnat-toi in a Fergana kishlak

A detailed report of the ritual of circumcision at one of the Uzbek rural settlements of the Fergana Valley is presented. The ritual of sunnat-toi remains until today one of the most important marker of Islamic identity among Uzbeks.

V. N. Basilov

© 1996 г., ЭО, № 3

Н. Р. Гусева

БОГИ И НАРОДНЫЕ КАРТИНКИ В ИНДИИ

Изобразительное народное искусство Индии отличается огромным разнообразием форм, стилей и жанровых особенностей. В него входят роспись домов, роспись сосудов из глины или папье-маше, нанесение рисунков от руки на тканевые изделия утилитарного назначения и на декоративные или votивные занавесы, разрисовка деревянных предметов и изделий из кожи и т. д.

Стиль и изобразительные приемы, равно как и сюжеты рисунков народных мастеров, различаются не только на разных этнических территориях, но и в границах проживания одного этноса. Они меняются, как говорят индийцы, «от деревни к деревне» и, кроме того, различны у представителей разных социальных прослоек. В Индии есть целый ряд кастовых и сектантских групп, чьим профессиональным занятием является живопись. Этих групп так много, их работа так своеобразна, и место, занимаемое ими в народной культуре, так значительно, что каждая из них заслуживает особого исследования. В данной статье основное внимание будет уделено лишь двум локальным видам народной живописи, известным под названиями *мадхубани* и *пичххвайи* (*печвайи*). Искусство мадхубани своим происхождением и развитием связано с левобережными областями штата Бихар, а пичххвайи — со штатом Раджастан. Оба жанра, как и другие формы народного искусства, уходят своими корнями в глубокую древность.

Древние доарийские пласты населения Бихара изучены еще очень слабо. Племенные объединения или раннегосударственные образования этой обширной области известны нам по памятникам ведической литературы I тыс. до н. э. (в Ригведе же упоминается некая страна Киката¹, которую предположительно идентифицируют с Магадхой, государством на территории современного Южного Бихара). В этих памятниках постоянно упоминаются царства Кошала и Видеха, располагавшиеся к северу от Ганга. Кошала, ставшая широко известной, благодаря событиям, описанным в эпосе «Рамаяна»², была государством, где сравнительно рано установился индусско-арийский правопорядок, тогда как с